

В Узбекистане назревает ответ на риски со стороны Афганистана и Исламского Государства

Author: [Fabio Indeo](#)

Ташкент может быть более сговорчивым в вопросах сотрудничества в сфере региональной безопасности, но все еще избегает официального соглашения об обороне.

На фоне вызовов со стороны Афганистана, Узбекистан может выразить больше готовности к сотрудничеству со своими центральноазиатскими соседями и Россией, говорит ведущий эксперт по Центральной Азии.

Фабио Индео, специалист по геополитике Центральной Азии и научный сотрудник Центра энергетического регулирования и безопасности Университета Ханьян в Сеуле, в беседе с IWPR рассказал о том, как Узбекистан смотрит на ситуацию в Афганистане, как это отражается на отношениях с его соседями, и будет ли он приветствовать усиление российского влияния в регионе.

Эксперт начал с оценки различным повстанческим группам, присутствующим на севере Афганистана, таким как Талибан, Исламское движение Узбекистана (ИДУ), Исламское государство, и есть ли у них стремление переместиться в Центральную Азию.

С момента **захвата и вторжения в Кундуз** Талибан все соседи Афганистана по Центральной Азии укрепили свои системы обороны на границах. Но действительно ли Талибан представляет реальную угрозу Центральной Азии?

Правительства Центральной Азии серьезно обеспокоены укреплением Талибан в соседнем Афганистане. В основном, из-за того, что они воспринимают возрождение политического ислама как угрозу собственной власти и национальным светским институтам.

Более того, с учетом того, что в региональном контексте Таджикистан кажется слабым звеном с точки зрения безопасности, Узбекистан и Туркменистан опасаются, что нестабильность на прозрачной таджикско-афганской границе – также усугубляемая внутренними факторами – может распространиться вглубь страны [Таджикистан], а затем повлиять и на весь регион.

В то же время в случае возможного господства Талибан в Афганистане, во внешней политике Узбекистана и Туркменистана могут преобладать прагматизм и реальная политика. Они могут установить двусторонние отношения для того, чтобы защитить и достичь свои стратегические интересы в регионе, в частности, в сфере энергетики и торговли. По такому сценарию основным условием будет то, что Талибан определит приоритетные национальные стремления – построение исламского государства внутри афганских границ – а не глобальные стремления, связанные с созданием транснационального халифата.

Что насчет ИДУ, которое имеет корни в Узбекистане? Намерено ли оно вернуться?

За последние два года ИДУ сильно поддерживало появление Исламского государства (ИГИЛ). В сентябре 2014 года лидер ИДУ Усман Гази открыто выразил поддержку ИГИЛ, а в августе 2015 года он присягнул на верность ИГИЛ.

Однако я полагаю, что эти поступки со стороны ИДУ должны интерпретироваться в свете ряда факторов. Во-первых, это выражение преданности кажется «браком по расчету», который в данный момент выгоден для обеих сторон. ИДУ может извлечь пользу из более сильного, «пропиаренного» бренда самого мощного исламистского движения из ныне существующих, а также получить подготовку, финансовую поддержку и оружие. Со своей стороны ИГИЛ может заручиться поддержкой филиалов ИДУ, если захочет распространить свое влияние на Центральную Азию с целью создания так называемого «Вилаят Хорасан» [провинция], которая будет частью Исламского государства.

Во-вторых, поддержка ИДУ ИГИЛа является явным подтверждением изменения стратегии нахождения в Центральной Азии, с национальной перспективы на глобальную/международную. В 1990-е годы целью ИДУ было свержение президента Узбекистана, Ислама Каримова, и создание Узбекского Исламского государства. Затем эта стратегия стала региональной, нацеленной на создание Исламского государства в Ферганской долине, посредством свержения светских государств Кыргызстана и Таджикистана и снятия национальных границ. В конце концов, стратегия ИДУ стала глобальной - теперь движение занимается проектом строительства транснационального исламского халифата. Однако я считаю, что в среднесрочной перспективе два разных подхода – глобальный и национальный – будут конфликтовать между собой, и как только

ИДУ поймет, что создание транснационального халифата нереально, оно вернется к региональной цели свержения светских институтов в Центральной Азии.

А каковы перспективы того, что Исламское государство начнет действия в Центральной Азии?

Присутствие ИГИЛ в Центральной Азии используется всеми геополитическими игроками в регионе, добивающимися собственных стратегических интересов и целей. Реальное количество иностранных боевиков из Центральной Азии за ИГИЛ в Ираке и Сирии широко обсуждается и используется в своих целях различными региональными и международными игроками, в том числе Россией и Китаем.

Россия часто предупреждает государства Центральной Азии об угрозе ИГИЛ, в основном, чтобы подтолкнуть их к «зонтику безопасности» Организации Договора о коллективной безопасности.

Государства Центральной Азии сами подчеркивают угрозу ИГИЛ, чтобы оправдать внутреннюю политику и общественный контроль. Даже если они и боятся дестабилизирующей активности исламистских сил, то такие страны, как Казахстан и Узбекистан, могут контролировать иностранных боевиков. Тогда как Таджикистан находится в более слабом положении, когда речь идет об ограничении ИГИЛ.

Как я уже упоминал, ИГИЛ в данное время является успешным брендом для исламистов Центральной Азии, как транснациональное движение, которое может поддержать их попытки свергнуть существующие режимы и поменять их на институты, основанные на законах шариата.

Реальный интерес Исламского государства в расширении своего влияния на Центральную Азию должен быть оценен в среднесрочной перспективе, особенно с учетом того, что идея создания халифата, простирающегося от Сирии и Ирака до Центральной Азии, в том числе Иран и Пакистан, выглядит нереальной в геополитическом смысле.

Более того, развитие отношений между Талибан и ИГИЛ повлияет на намерения последнего в отношении Центральной Азии. Расхождение между глобальными и национальными целями может разрушить текущее переплетение интересов, как это случилось в прошлом между «Аль-Каидой» и Талибан.

Насколько Узбекистан обеспокоен афганской угрозой?

Ташкент тщательно следит за ситуацией вдоль границы с Афганистаном. Даже несмотря на то, что 137 километров границы хорошо охраняются, Узбекистан боится нападений боевиков, которые могут дестабилизировать ситуацию в стране.

В частности, власти опасаются угрозы со стороны ИГИЛ. В феврале 2015 года сотрудник Службы национальной безопасности Алишер Хамданов предупредил о грозящей опасности терактов ИГИЛ в Узбекистане.

Более того, стратегическое слияние ИГИЛ и ИДУ беспокоит узбекские власти в связи с тем, что примерно одна треть всех боевиков из Центральной Азии, поддерживающих ИГИЛ, являются узбеками.

Захват Кундуза вызвал дополнительную озабоченность стран Центральной Азии, граничащих с Афганистаном. Он четко показал, что угроза Талибан вполне реальна и конкретна.

Безопасность границ должна предотвратить несанкционированное проникновение на афгано-узбекскую границу. Также она может содержать последствия вербовочных кампаний, которые в противном случае могли бы иметь существенное влияние из-за социально-экономической ситуации в Узбекистане. Безопасность на границе также важна для Узбекистана, так как она позволит Ташкенту перенести свое влияние на стабильный Афганистан. Сейчас Узбекистан снабжает Афганистан электричеством, и торговля вдоль автомобильно-железнодорожного коридора, соединяющего Термез и Мазари-Шариф, может помочь Узбекистану сыграть большую роль в развитии и стабильности Афганистана.

Сообщается, что афганский генерал Абдул Рашид Дустум вновь начал действовать, направив силы против Талибан в зоны вблизи узбекской и туркменской границы. Является ли это существенным событием? И считает ли Узбекистан это хорошей идеей?

Военные действия со стороны сил Дустума против Талибан являются реальной помощью Туркменистану, так как сокращают вооруженное давление боевиков на эту границу.

Что касается Дустума, я считаю, что некоторые центральноазиатские аналитики высказывают интересные мысли о том, что он может способствовать созданию буферного государства в той части Афганистана, на которой проживают этнические узбеки, чтобы предотвратить влияние

Талибан на Центральную Азию. Российские и узбекские власти могли бы извлечь стратегическую пользу из этой ситуации, даже если она означает радикальное изменение в региональных сценариях, влияющих на территориальную целостность Афганистана.

Видите ли Вы рост военного влияния России в Центральной Азии?

В данный момент Россия является главным поставщиком безопасности в регионе посредством, прежде всего, Организации Договора коллективной безопасности [ОДКБ], далее, посредством Шанхайской организации сотрудничества, а также через двустороннее военное сотрудничество.

В рамках ОДКБ Россия оказывает странам Центральной Азии военную поддержку в виде подготовки, оборудования и современного оружия для того, чтобы они могли противостоять атакам.

Однако у военной стратегии России по сдерживанию дестабилизирующих угроз от Афганистана есть очевидный недостаток, а именно две из трех стран, граничащих с Афганистаном – Узбекистан и Туркменистан – не являются членами ОДКБ. Это ограничивает масштаб региональных действий в ответ на угрозы безопасности. Даже несмотря на то, что Генеральный секретарь ОДКБ Николай Бордюжа постоянно предупреждает об интенсификации экстремистских действий в Центральной Азии и приглашает Узбекистан и Туркменистан вступить в союз, чтобы таким образом усилить региональное военное сотрудничество, обе страны отказываются. Они считают это предложение империалистической попыткой восстановить постсоветский союз безопасности.

Тем не менее, текущие угрозы национальной безопасности привели к тому, что узбекский президент Каримов и туркменский лидер Гурбангулы Бердымухаммедов осуществили двустороннее военное сотрудничество с Москвой, косвенно признав ее роль поставщика безопасности в регионе.

Есть ли признаки того, что Узбекистан может поменять свою позицию в отношении военного присутствия России?

Несмотря на все более ухудшающуюся ситуацию с региональной безопасностью, президент Каримов вновь подтвердил внешнеполитический курс Узбекистана, который на первое место ставит двусторонние отношения в области безопасности, а не многостороннее сотрудничество.

Стратегическое геополитическое положение Узбекистана позволяет ему успешно вести многовекторную внешнюю политику, которая уравнивает интересы всех внешних игроков и приносит существенную выгоду. Даже если Ташкент будет настаивать на отказе от повторного вступления в ОДКБ, его двустороннее сотрудничество в сфере безопасности с Москвой усилилось с тех пор, как Владимир Путин посетил Ташкент в декабре 2014 года и президент Каримов выразил желание приобрести российское военное оборудование.

После вывода международных войск из Афганистана в прошлом году Узбекистан сохранил свои отношения с НАТО и Соединенными Штатами. Ташкент до сих пор рассматривается как основной региональный партнер НАТО, бастион против подъема радикальных исламистов и терроризма.

В то же время Ташкент также развил сотрудничество в сфере безопасности с Китаем. Китай мог бы постепенно принимать все большее участие в архитектуре безопасности в регионе, в основном, если его стратегические цели – прежде всего, энергетика, торговля и сохранение контроля в Синьцзяне – подвергнутся угрозе. Желание Узбекистана быть частью Шанхайской организации сотрудничества и организовать антитеррористическую структуру группировки в Ташкенте, скорее, связано с его желанием принадлежать к сообществу, в котором он [Узбекистан] мог бы улучшить свои связи в сфере безопасности с Китаем, а не улучшить механизмы координации политики безопасности с другими государствами Центральной Азии.

Прошлое участие Узбекистана в региональных инициативах сотрудничества было нерегулярным. Указывают ли возникающие в регионе угрозы на то, что он будет более склонен к сотрудничеству?

Региональная стабильность является общей взаимной озабоченностью для всех стран Центральной Азии. С учетом текущих угроз региональной и национальной безопасности, Узбекистану нужна улучшенная координация своей политики с другими центральноазиатскими странами для того, чтобы предотвратить транснациональную угрозу, которая может повлиять на весь регион. Ему нужно расставить приоритеты в мерах, направленных на механизм сотрудничества с другими странами, граничащими с Афганистаном. Недавняя встреча узбекского и туркменского президентов говорит о значительном шаге в этом направлении.

Интервью провела Дина Токбаева, редактор IWPR по Центральной Азии.

Location: Uzbekistan
Syria
افغانستان

Topic: Conflict

Source URL: <https://iwpr.net/ru/global-voices/%D0%B2-%D1%83%D0%B7%D0%B1%D0%B5%D0%BA%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B5-%D0%BD%D0%B0%D0%B7%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%B0%D0%B5%D1%82-%D0%BE%D1%82%D0%B2%D0%B5%D1%82-%D0%BD%D0%B0-%D1%80%D0%B8%D1%81%D0%BA%D0%B8-%D1%81%D0%BE>